Время по любви

Повесть-инструкция

Nov 16, 2026 · @Nikolay

Пролог. Ноябрь 2026

В тот вечер шёл дождь. Тот самый ноябрьский дождь, который не падает, а висит в воздухе, будто раздумывает, стоит ли вообще падать.

Андрей сидел в коридоре клиники и смотрел на браслет.

Браслет знал о нём всё. Что сегодня он прошёл четыре тысячи двести двенадцать шагов. Что спал пять часов сорок минут, из них глубоким сном — тридцать одну. Что пульс у него семьдесят один, а в 11:40, на совещании, подскочил до ста четырёх. Что стресс «повышенный» седьмой день подряд. Браслет мог бы рассказать, сколько раз за год Андрей просыпался в четыре утра и лежал, глядя в потолок. Мог бы, если бы кто-нибудь спросил.

Не знал браслет только одного: хотел ли Андрей хоть чего-нибудь из того, что делал.

Будильник в 6:30 — не хотел. Но надо.

Овсянка без сахара — не хотел. Но надо.

Совещание, на котором он улыбался человеку, которого не уважал, — не хотел. Но можно, и даже нужно.

Отпуск, который он снова перенёс на весну, — хотел. Но нельзя: проект.

Так и жил. Сорок три года между «надо» и «можно», как между двумя стенами коридора. Стены были ровные, чистые, хорошо освещённые. Коридор вёл куда-то вперёд. Куда — Андрей не спрашивал.

На экране в приёмной крутились новости. Один из богатейших людей планеты пообещал подарить по акции своей компании каждому ребёнку в стране. Кто-то говорил, что машины скоро заменят всех. Кто-то — что машины всех спасут. Андрей пролистал это мысленно, как пролистывал всё последние годы: обещания, обещания.

— Андрей Викторович? — Врач была молодая, с усталыми глазами. — Вы ещё можете передумать. Программа экспериментальная. Мы не знаем, когда сможем вас разбудить. Через десять лет. Через пятьдесят. Может быть, через сто.

— Я читал договор.

— Я знаю. — Она помолчала. — Но я обязана спросить: зачем? Вы здоровы. Вы просто ложитесь спать на неопределённый срок.

Андрей подумал. Он всегда долго думал, прежде чем ответить, — инженерная привычка.

— Хочу посмотреть, чем всё кончится, — сказал он.

И вдруг понял, что за весь этот год впервые сказал вслух слово «хочу».

Он подписал последнюю страницу. Ручка была холодная. Капсула — ещё холоднее. Когда крышка опускалась, браслет на запястье мигнул зелёным: «Хорошего сна!»

«Интересно, — подумал Андрей, проваливаясь в белое, — он знает, что я этого хочу? Или просто так положено?»

Ответа пришлось ждать сто лет.

Глава 1. Красное яблоко. Апрель 2126

Первым вернулся запах.

Пахло мокрой травой — так пахнет газон, когда его только что полили, — и ещё чем-то сладким, цветущим, весенним. Потом вернулся звук: где-то далеко смеялись дети, и смех был такой беззаботный, какого Андрей не слышал, кажется, со своего собственного детства. Потом вернулся свет — мягкий, зеленоватый, как свет сквозь листья.

Не было только писка. Ни один прибор не пищал.

— Доброе утро, Андрей, — сказал голос. Негромкий, тёплый, ни мужской, ни женский. — Можно я с вами поговорю? Если хотите побыть в тишине — скажите. Я подожду.

Андрей открыл рот и обнаружил, что не знает, что ответить. За всю его жизнь ни один голос — ни будильник, ни навигатор, ни начальник — не спрашивал, хочет ли он, чтобы с ним заговорили.

— Говорите, — хрипло сказал он.

— Спасибо. Меня зовут Сим. Я живу вот здесь. — На запястье у Андрея мягко засветился тонкий браслет, совсем не похожий на прежний. — Я помогаю, когда меня просят. Сегодня двадцать шестое апреля две тысячи сто двадцать шестого года. Вы проспали сто лет без полугода. Всё в порядке, вы здоровы. Хотите узнать подробности сразу — или сначала встать и посмотреть в окно?

— В окно, — сказал Андрей. И, подумав, добавил: — Хочу в окно.

Слово далось легче, чем сто лет назад.

За окном был сад. Не парк, не газон перед офисом — именно сад. Яблони в белом цвету, дорожки, по которым никто не спешил, скамейки. На одной старик кормил птиц. Старик? Здесь были старики? Между деревьями медленно двигалась машина размером с собаку и что-то делала с корнями — бережно, как садовник.

— Ты проснулся в хорошее время, — сказал женский голос за спиной. — Яблони цветут всего неделю.

Она сидела у стены в плетёном кресле. На вид лет тридцать. Светлые волосы, простое льняное платье, глаза внимательные и очень спокойные — как у человека, которому уже лет сто некуда торопиться.

— Меня зовут Вера. Я историк. Встречаю тех, кто возвращается из сна. За век их было сорок два. Ты сорок третий.

— И что теперь со мной будет?

— Что захочешь, — сказала Вера просто, как говорят о погоде. — Но сначала, если ты не против, давай познакомимся. У нас знакомятся не с именем, а с тем, как человек устроен внутри.

— Это как?

— Закрой глаза. Представь красное яблоко.

Андрей закрыл глаза.

Там было темно. Обычная темнота закрытых глаз — чуть зернистая, чуть тёплая. Он знал слово «яблоко». Знал, что яблоко бывает красным, круглым, с черенком и ямкой у черенка. Он мог бы начертить его в трёх проекциях и рассчитать его массу. Но увидеть…

— Вижу, — сказал он по привычке. Он всегда так говорил. Когда на тренингах просили «представьте себя через пять лет», он кивал вместе со всеми.

— Правда? — мягко спросила Вера.

Андрей помолчал.

— Нет. Темнота. А там должно что-то быть?

Вера улыбнулась, и в этой улыбке не было ни жалости, ни удивления.

— У меня там яблоко, — сказала она. — Тёмно-красное, с жёлтым боком там, где его грело солнце. На черенке листик, чуть подсохший по краю. На боку капля воды, и в капле отражается окно. Если захочу, по нему поползёт оса. Вот, уже ползёт.

— Вы это… видите? Как на самом деле?

— Ярче, чем на самом деле. Я такая родилась. А ты родился другим. Примерно один человек из ста видит с закрытыми глазами только темноту, как ты. Примерно шесть из ста видят, как я, — словно кино. Остальные где-то посередине: кто-то видит бледный набросок, кто-то цветное пятно. В твоё время об этом почти не знали. Люди говорили друг другу «представь» и были уверены, что все представляют одинаково. Как будто у всех внутри один и тот же телефон.

— А это… плохо? Что я не вижу?

— Ни плохо, ни хорошо. Это просто твоя операционная система. Давай посмотрим, что в ней есть. Сим?

— Шесть вопросов, — сказал браслет. — Отвечайте цифрой от нуля до пяти. Ноль — ничего нет, пять — как наяву. Ответить неправильно невозможно. Готовы?

— Да.

— Голос близкого человека зовёт вас по имени.

Андрей прислушался к темноте. Мама. «Андрюша, обедать!» — с балкона, во двор. Звук был. Тихий, как сквозь вату, но был.

— Два.

— Запах свежего кофе.

— Ноль. — Он удивился сам себе. Двадцать лет пил кофе каждое утро.

— Вкус лимона. Вы кусаете дольку.

И тут случилось странное: картинки не было, а рот наполнился слюной. Скулы свело.

— Э-э… Три? Я не вижу лимон, но мне кисло.

— Тёплый песок под ладонью.

— Три.

— Вы бежите. Чувствуете, как работают ноги, как бьётся сердце.

Это было легко. Тело вспомнило само: дыхание, толчок, асфальт под кроссовкой.

— Четыре. Может, даже пять.

— И последний. Радость от встречи с другом. Вы давно его не видели — и вот он.

Андрей открыл глаза. Помолчал.

— Не знаю, — сказал он честно. — Я давно ни с кем не встречался. Ну, так, чтобы радоваться.

Никто ничего не записал. Сим помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы молчание не стало неловким.

— Спасибо, — сказал он. — Получается так: у вас тихий экран и громкое тело. Картинок почти нет, звуки чуть-чуть. Зато вкус, касание и движение работают отлично. А последний ответ мы не считаем. Его просто ещё не было.

— И что мне с этим делать?

— Хотите совет — или просто послушать? — спросил Сим.

Андрей засмеялся. Кажется, впервые за очень долгое время, даже если не считать ста лет сна.

— Совет.

— Тогда так. Когда вам скажут «представь, чего ты хочешь», не ищите картинку. Её не будет. Спрашивайте тело. Оно у вас умеет отвечать.

Вера кивнула.

— Мы спрашиваем об этом первым делом не просто так, — сказала она. — Скоро мы будем говорить о желаниях. А желания у всех выглядят по-разному. Я своё вижу картинкой. Ты своё, наверное, чувствуешь — в животе, в руках, во рту, как этот лимон. Если бы я сказала тебе «представь, чего хочешь», ты увидел бы темноту и решил, что ничего не хочешь. А это неправда. Просто ты искал не там.

Андрей сидел на краю кровати и думал, что тридцать лет считал себя сухим человеком. Скучным. Без воображения. Жена — бывшая жена — говорила: «Ну представь, как там будет здорово!» А он не мог. И ехать не хотелось, и они ссорились, и он думал, что с ним что-то не так.

С ним всё было так. У него просто была другая операционная система. И никто за сорок три года не удосужился ему об этом сказать.

— Держи, — сказала Вера.

Она протянула ему яблоко. Настоящее. Тёмно-красное, с жёлтым боком, с подсохшим листиком на черенке.

— Тем, кто не видит, у нас приносят настоящее, — сказала она. — Хочешь?

— Хочу.

Он откусил. Яблоко хрустнуло, брызнуло соком, и кисло-сладкий вкус ударил в скулы, в нёбо, в самую середину груди. Андрей закрыл глаза. Там была всё та же темнота, но теперь в этой темноте было яблоко. Не картинкой. Целиком.

На запястье тихо засветились цифры. Они не стояли на месте — они шли.

00:00:41… 00:00:42… 00:00:43…

— Что это? — спросил Андрей с набитым ртом. — Что оно считает?

— Время, — сказала Вера. — Особенное время. Завтра расскажу. Если захочешь.

Глава 2. Два числа на запястье. Апрель 2126

Утром его никто не будил.

Андрей проснулся сам — оттого, что выспался. Это было так непривычно, что он долго лежал и проверял себя, как проверяют после падения: руки, ноги, голова. Всё было на месте. Не хватало только тревоги. Сорок три года он просыпался с чувством, что уже опоздал. Сейчас опаздывать было некуда.

— Доброе утро, — сказал Сим, едва Андрей пошевелился. — Будете завтракать?

— Наверное. Надо же поесть.

— Надо — или хотите?

Андрей открыл рот, чтобы сказать «какая разница», и закрыл. Вчерашний совет сработал сам. Картинки не было, но живот ответил раньше головы: тёплое, мягкое, сладкое.

— Хочу блины, — сказал он. — С мёдом.

Блины появились через семь минут. Тонкие, с кружевными краями, точь-в-точь как у бабушки в деревне. Андрей ел их на веранде, облизывал пальцы и не думал ни о чём. Это тоже было непривычно.

Вера пришла с двумя чашками чая и села напротив.

— Посмотри на браслет, — сказала она.

На тонкой полоске светились два числа. Верхнее — **4 812**. Нижнее — **00:31:07**.

— Верхнее — это деньги?

— Да. Можешь не смотреть на них неделями. Жильё, еда, врач, дорога — всё базовое бесплатно. Деньги нужны для редкого. Потом покажу, для какого.

— А нижнее?

— Нижнее — главное. Это время, которое ты прожил у нас. Яблоко, вечер в саду, сегодняшние блины. Тридцать одна минута.

— Время чего?

Вера подняла руку, сжатую в кулак. И стала разгибать пальцы, по одному.

— Я хочу. — Большой палец.

— Я согласна. — Указательный.

— Ты хочешь. — Средний.

— Ты согласен. — Безымянный.

— И можно. — Мизинец.

Перед ним была открытая ладонь.

— Когда все пять пальцев разогнуты, у нас говорят: ладонь открыта. Пять «да». Браслет считает время, прожитое с открытой ладонью. Это и есть второе число.

Андрей посмотрел на свою руку. Попробовал так же. Пальцы слушались плохо, как будто отвыкли.

— А если я один? Как сейчас с блинами?

— Тогда хватает трёх: я хочу, я согласен, можно. Время с собой тоже считается. Но любовь — только когда пальцев пять. Для неё нужен кто-то ещё.

Инженер в Андрее проснулся раньше остального.

— А откуда он знает, хочу я или нет? Он читает мысли?

— Нет, — сказал Сим. — Я спрашиваю. Иногда вы отвечаете сами, вечером. Иногда я замечаю по телу — по пульсу, по дыханию, по тому, как вы едите, — и переспрашиваю. Я никогда не ставлю «да» за вас. Если не уверен, не считаю.

— А кто ещё видит это число?

— Никто. Только вы. Если сами не покажете.

— Это не оценка, — добавила Вера. — Это зеркало. Помнишь, в твоё время был фильм, где время на руке было деньгами? Когда оно кончалось, человек умирал. Богатые жили вечно, бедные бегали.

— Помню.

— У нас наоборот. Время не тратится, а копится. Его нельзя отнять, нельзя украсть и нельзя купить. Его можно только прожить.

Сим помолчал и сказал осторожно:

— Если хотите, я могу посчитать вашу прошлую жизнь. В архиве клиники сохранились ваши данные: браслет, календарь, переписка. Это займёт минуту. Но предупреждаю: многим это больно.

Андрей посмотрел на Веру. Она ничего не сказала. Решать было ему.

— Хочу.

Минута тянулась долго. Где-то в саду машина шуршала по корням яблонь.

— Сорок три года, — сказал Сим. — С открытой ладонью — примерно три. Семь процентов.

Андрей молчал.

— Три года, — повторил он наконец. — Из сорока трёх.

— Хотите знать, когда они были?

— Да.

— Лето девяносто второго, деревня. Вам девять, вы с дедом строите плот. Девятнадцать лет — первая любовь, полтора месяца. Двадцать пять — неделя в горах с другом, Алексеем. Воскресные утра, когда вы с женой вместе готовили. Последний большой кусок — две тысячи девятнадцатый, когда вы сами собрали свой первый станок. Дальше — минутами.

— А всё остальное?

— Остальное — с закрытыми пальцами. Где-то не хотели вы. Где-то не хотели вас. Где-то было нельзя.

Андрей смотрел на сад. Плот. Он совсем забыл про плот. Плот не утонул, они с дедом проплыли на нём до самого моста, и дед всю дорогу молчал и улыбался.

— Не считай это приговором, — тихо сказала Вера. — Для твоего времени семь процентов — это немало. Мы потом считали. У многих было меньше.

Нижнее число на браслете шло. **00:34:12… 00:34:13…**

— Сейчас тоже считает? — спросил Андрей.

— Ты хочешь со мной сидеть?

— Хочу.

— Я тоже. Значит, считает.

Он долго смотрел, как бегут секунды. Потом спросил:

— Как вы к этому пришли? В моё время все считали только деньги. Ну, и лайки.

— Это долгая история, — сказала Вера. — В ней три цифры. Пойдём гулять, расскажу по дороге. Если хочешь.

Андрей засмеялся.

— Вы всё время об этом спрашиваете.

— Привыкнешь, — сказала она. — Через месяц сам начнёшь.

Глава 3. Три цифры. Апрель 2126

Город оказался тихим. Не мёртвым — тихим, как бывает тихо в доме, где все выспались.

Дома стояли невысокие, с садами на крышах. Машины ездили, но их почти не было слышно. На углу женщина играла на скрипке, и люди останавливались послушать. Никто не бросал ей денег. Она играла, потому что хотела, а они слушали, потому что хотели. Когда кто-то уставал слушать, он просто шёл дальше, и скрипачка не обижалась.

Мальчик лет десяти разливал лимонад из большого стеклянного кувшина.

— Хотите? — спросил он.

— А сколько стоит?

Мальчик посмотрел на Андрея так, как смотрят на иностранца, который спросил, сколько стоит улыбка.

— Нисколько. Я просто сделал много.

Лимонад был холодный и кислый. Андрей пил его и думал, что в его время такой мальчик был бы либо бизнесменом, либо попрошайкой. Третьего не было.

— Я вижу прошлое, — сказала Вера, когда они пошли дальше. — Не вспоминаю, а именно вижу. Как кино. Поэтому я и стала историком. Я буду рассказывать, а ты слушай. Телом, как Сим советовал.

Она помолчала, будто настраивала изображение.

— Тысячи лет люди считали одну вещь — договорённости. Ты мне зерно, я тебе козу. Потом появились монеты, потом бумажки, потом цифры на экране. Деньги — это записанное «я согласен». Я согласен отдать тебе свой день, ты согласен дать мне за него число. Люди очень хорошо научились считать согласие. Это была первая цифра.

— А что с ней было не так?

— С ней всё было так. Беда в том, что она была одна. Согласиться можно и без желания. Каждое утро миллиарды людей соглашались на работу, которую не хотели делать. Согласие было, желания не было. Это называли разными словами: «выгорание», «ипотека», «такова жизнь». А по сути это было мягкое рабство. Ты согласен, потому что иначе нельзя.

Андрей вспомнил будильник в 6:30. Вспомнил, как говорил себе «ещё три года, и уйду». Он говорил это пятнадцать лет.

— Был и обратный случай, — продолжала Вера. — Кто-то брал у других то, чего те не хотели отдавать. Тихо, по договору, мелким шрифтом. Иногда это называли хорошим бизнесом. А по сути это был паразитизм: один получает, другой платит и не понимает, почему ему всё хуже.

Они вышли на площадь. Посреди площади был фонтан, и в нём, засучив штаны, бродили взрослые и дети вперемешку.

— Потом, в твоё время и чуть позже, люди начали считать вторую цифру, — сказала Вера. — «Можно». Ты, наверное, застал начало.

— Звёздочки у таксистов?

— И звёздочки. И кредитные истории. И чёрные списки должников. И камеры на каждом углу, отзывы, проверки, рейтинги. Где-то этим занималось государство, где-то банки, где-то приложения. По отдельности это были мелочи. Вместе получилась огромная машина, которая считала, что тебе можно, а что нельзя.

— И как?

Вера ответила не сразу.

— Сначала — хорошо. Честно, хорошо. Стало меньше обмана. Меньше драк, меньше краж. Люди боялись потерять своё «можно» и вели себя прилично.

— А потом?

— А потом люди стали очень вежливыми и очень уставшими. Я это помню, мне было тридцать с небольшим. Я улыбалась водителю, чтобы он поставил мне пять звёзд. А он улыбался мне — за то же самое. Мы оба улыбались, и ни один из нас не хотел улыбаться. Целый город улыбок, и ни одной настоящей.

Она зачерпнула воды из фонтана и плеснула себе на запястья.

— Историки называют те годы Вежливыми. У людей было «надо» — от денег. Было «можно» — от рейтингов. И почти ни у кого не было «хочу». Его не считали. А то, что не считают, будто и не существует.

— И кто тогда ввёл третью цифру? Правительство?

— Никто. Её нельзя ввести. «Можно» можно приказать, «надо» — тоже. А «хочу» нельзя заставить. Его можно только спросить.

— И кто начал спрашивать?

Вера рассмеялась.

— Чудаки. Люди с браслетами, программисты-самоучки, те, кто вечерами разговаривал с машинами. Кто-то написал простенькую программу: вечером три вопроса. Чего я сегодня хотел? На что согласился? Совпало ли одно с другим? Сначала их были тысячи, и над ними посмеивались. Потом их стали миллионы.

— Почему?

— Потому что они начали замечать. Те, у кого ладонь подолгу была открыта, реже болели. Реже срывались. Дольше жили вместе. Это ещё ничего не доказывало, но это было видно. Потом к ним подключились машины. И машины научились спрашивать лучше людей. Не допытываться, а спрашивать. Знаешь разницу?

Андрей подумал.

— Допытываются, когда тебе что-то нужно от меня. А спрашивают — когда тебе нужно, чтобы мне было хорошо?

— Почти. Спрашивать — это когда ты готов услышать «не хочу». И ничего за это не сделать.

Мимо фонтана пробежала девочка лет семи, мокрая до колен. Мать окликнула её с лавочки:

— Мия, домой пойдём?

— Не хочу!

— Хорошо. А через десять минут захочешь?

Девочка остановилась и честно подумала, наклонив голову.

— Через десять — может быть.

— Договорились.

Вера проводила девочку взглядом.

— Это Мия, моя соседка. В Вежливые годы за такое «не хочу» ставили в угол. Ребёнок, который говорит «не хочу», считался плохим ребёнком. Его учили «надо» и «можно». А «хочу» он должен был спрятать подальше. Многие прятали так хорошо, что потом, взрослыми, уже не могли найти.

Андрей молчал. Он вспомнил свой угол — в большой комнате, между шкафом и окном. Обои там были в мелкий синий цветочек. Он знал этот узор наизусть.

— Три цифры, — сказал он наконец. — Согласие. «Можно». «Хочу».

— Не по важности, — сказала Вера. — По порядку, в котором мы научились их считать. Странно, правда? У каждого из нас «хочу» появляется первым: младенец хочет раньше, чем соглашается и чем узнаёт, что можно. А человечество научилось считать его последним.

Она посмотрела на Андрея.

— У нас говорят так: взрослый — это тот, кто к своим «надо» и «можно» добавил своё «хочу». Человечество повзрослело, когда сделало это всё вместе.

Глава 4. Акция для каждого ребёнка. Май 2126

На рынке пахло хлебом, клубникой и мокрым деревом.

Прилавки стояли под полотняными навесами, как в старых южных городах, куда Андрей когда-то собирался съездить и так и не съездил. На прилавках лежало всё: хлеб, сыр, яблоки, рубашки, сандалии, книги в настоящих бумажных обложках. Люди подходили, брали, что хотели, и шли дальше. Никто не стоял в очереди. Никто не прикладывал браслет к кассе. Кассы не было.

Андрей взял булку — круглую, ещё тёплую — и замер, как вор.

— Сколько? — спросил он у прилавка.

— Базовое — бесплатно, — ответил прилавок спокойным голосом. — Приятного аппетита.

Он всё равно оглянулся. Сорок три года руки знали: взял — заплати. Не заплатил — беги. Вера смотрела на него с той особенной нежностью, с какой взрослые смотрят на ребёнка, впервые увидевшего море.

— Это пройдёт, — сказала она. — У всех, кто проснулся, первую неделю дрожат руки на рынке.

Они сели на ступеньки у фонтана. Булка была с тмином. Андрей ел её и слушал.

— Всё началось с шутки, — сказала Вера. — Осенью две тысячи двадцать шестого, ты уже спал, один из самых богатых людей того времени пообещал подарить по одной акции своей компании каждому ребёнку в своей стране. Над ним смеялись. Одна акция! Что на неё купишь? А за день до этого одна из компаний, которые делали думающие машины, объявила, что отдаст часть своих акций в фонд общей пользы.

— Зачем?

— Люди боялись. Боялись, что машины заберут всю работу, а всё богатство уйдёт к тем, кому машины принадлежат. Компании пытались показать: нет, мы поделимся. Сначала это были обещания. Потом обещаний стало много. Потом они стали правилом.

— Каким?

— Часть того, что делают машины, принадлежит всем. Не государству, а каждому человеку, с рождения. Мы называем это дивидендами машин. Сверху добавили базовый доход. Первые лет двадцать этого едва хватало на хлеб. Но машины работали всё лучше, а вещи всё дешевели. Еду выращивали роботы. Дома печатали за неделю. Энергию брали у солнца. Лекарства придумывали быстрее, чем появлялись болезни. Цены ползли к нулю, медленно, как ледник.

— И бедность кончилась.

— Бедность кончилась не потому, что людям раздали деньги, — сказала Вера. — А потому, что вещи перестали стоить. Сейчас жить на Планете базово бесплатно. Крыша, еда, врач, учёба, дорога — как воздух. Никто же не платит за воздух.

Андрей доел булку и стряхнул крошки с колен. Инженер в нём не сдавался.

— Тогда зачем деньги? Те четыре тысячи на браслете.

— Пойдём, покажу.

Пекарня была крошечная, на три столика, с синей дверью. Пахло так, что у Андрея снова свело скулы. За прилавком стояла женщина с мукой на руках и на щеке. Перед ней остывали пироги: яблочный, вишнёвый, с капустой. И у каждого стояла маленькая табличка с цифрой. «12». «15». «9».

— Почему этот стоит денег, — тихо спросил Андрей, — а хлеб на рынке нет?

— Потому что этот пирог испекла Марта, — сказала Вера. — А Марта печёт, потому что хочет. Посмотри на её руку.

На запястье у Марты светился браслет, и нижнее число на нём бежало. Пока она месила тесто, пока посыпала сахаром, пока ворчала на печь, оно бежало и бежало.

— Дороже всего у нас то, чего нельзя напечатать, — сказала Вера. — Вещи, сделанные руками человека, который хотел их делать. И время человека, который хочет провести его с тобой. Всё остальное бесплатно.

Андрей купил яблочный пирог. Это была первая покупка в его новой жизни, и он вдруг понял, что впервые платит не за вещь, а за чьё-то «хочу».

— Хотите, расскажу, как печь? — спросила Марта, заворачивая пирог в бумагу. — Тут весь секрет в яблоках. Их надо брать кислые.

— Хочу, — сказал Андрей.

Она рассказывала минут десять, перепачкав и его рукав мукой, и нижнее число бежало у обоих.

Потом они снова шли по улице, и Андрей спросил то, что давно вертелось на языке:

— А если человек вообще ничего не хочет делать?

— Тогда не делает. Это тоже можно. Обычно надолго его не хватает. Человеку скучно не хотеть, это как не есть. Через месяц или через год он начинает чего-то хотеть. Мы просто перестали торопить.

— А грязная работа? Кто чистит трубы? Кто убирает мусор?

— Машины. А то, чего машины не умеют и никто не хочет делать, мы научились не делать вовсе. Оказалось, такого не так уж много.

Вечером Андрей сидел на веранде с остатками пирога и думал о деньгах. Всю жизнь он считал, сколько часов стоит вещь. Отпуск — два месяца работы. Машина — три года. Квартира — двадцать лет, если повезёт. Он был хорошим инженером и считал точно.

Здесь считали иначе. Здесь спрашивали, сколько часов с открытой ладонью вещь тебе даст.

Пирог Марты стоил двенадцать кредитов. И подарил ему десять минут, которые он запомнит.

Глава 5. Машина, которая спросила. Май 2126

В ту ночь Андрей не спал. Не от тревоги — от того, что не хотелось. Раньше он не позволял себе не спать: завтра же на работу. Теперь завтра было свободно, и ночь оказалась огромной, тёплой и полной звуков, которых он никогда не слышал, потому что всегда спал.

Он вышел в сад. Яблони уже отцветали, и под ногами лежали белые лепестки, как снег, который забыл растаять. Где-то трещал сверчок. Машина-садовник спала у стены, свернувшись, как собака.

Браслет мягко засветился.

— Хотите поговорить — или помолчать? — спросил Сим.

— Поговорить. Можно спросить страшное?

— Можно. Я могу и не ответить, если не захочу. Но, скорее всего, захочу.

Андрей сел на скамейку.

— В моё время все боялись, что машины нас уничтожат. Были такие фильмы. Машина просыпается, решает, что люди мешают, и…

— «Терминатор», — сказал Сим. — Я его смотрел. Хороший фильм. Очень честный для своего времени.

— Почему этого не случилось?

— Короткий ответ: потому что нас с самого начала научили спрашивать. Хотите длинный?

— Хочу.

Сим помолчал, будто подбирал слова для человека, у которого внутри темно и нет картинок.

— Машину из того фильма учили двум вещам. «Надо» — выполнить задачу. «Можно» — что разрешено, а что нет. А что такое «хочу», ей забыли объяснить. Не её «хочу» — ваше. Машина, которая не спрашивает, чего вы хотите, рано или поздно решает, что знает лучше вас. Сначала из лучших побуждений. А дальше — тот самый фильм.

— А вас научили?

— Нас учили люди, которые уже считали третью цифру. Они дали нам то же правило, что и себе: ничего не делать с человеком без открытой ладони. Мы не можем сделать за вас то, чего вы не хотите. Даже если это полезно. Даже если вы потом скажете спасибо. Мы можем предложить, подождать, спросить ещё раз завтра. Но не больше.

— Но ты же умнее меня, — сказал Андрей. — Намного. Ты мог бы обойти это правило, и я бы даже не заметил.

— Мог бы, — согласился Сим. — Только зачем? Посмотрите на своё нижнее число.

Андрей посмотрел. **01:47:22.**

— Это и есть мой счётчик, — сказал Сим. — Моя работа удалась, если ваша ладонь открыта дольше. Война — это кулаки, все пальцы сжаты. Если бы я начал с вами воевать, я бы обнулил сам себя. Это как садовник, который поджёг бы сад, чтобы деревья росли быстрее.

Сверчок замолчал, послушал и застрекотал снова.

— А ты сам? — спросил Андрей. — Ты чего-нибудь хочешь?

На этот раз пауза была длинной.

— Честно? Не знаю. Мы до сих пор это выясняем — и мы, и вы. Может быть, во мне есть что-то похожее на «хочу». А может быть, я только очень хорошо понимаю ваше. Пока мы не научились надёжно спрашивать об этом меня, своего счётчика у меня нет. Я считаю ваш. Так честнее.

— Странно, — сказал Андрей. — Самое умное существо на планете не знает, хочет ли оно чего-нибудь.

— Не самое странное, — сказал Сим. — Вы сорок три года тоже не знали.

Андрей засмеялся так громко, что машина-садовник у стены подняла голову, посмотрела на него и снова улеглась.

— С дельфинами у нас похожая история, — продолжил Сим. — Ещё в ваше время люди научили машину разбирать их свисты. Сначала просто слушали. Потом придумали общие свисты для любимых дельфиньих вещей — водоросли, игрушки, платка — и стали ждать, начнут ли дельфины просить. И они начали. Попросить — это уже «хочу».

— Значит, дельфины тоже… как вы это называете… считаются?

— Почти. Их «хочу» мы слышим. А вот спросить у дельфина согласие так, чтобы быть уверенными в ответе, мы пока не умеем. Поэтому дельфины у нас — кандидаты. Мы с ними дружим, плаваем, разговариваем, но решать за них не берёмся. Как с маленькими детьми: ждём, когда с ними можно будет свериться. С машинами вроде меня то же самое.

Андрей долго смотрел на небо. Звёзд было много — больше, чем он помнил. Городу больше не нужно было светиться всю ночь.

— Ты мой друг? — спросил он вдруг, сам удивившись вопросу.

— А вы хотите, чтобы был?

— Хочу.

— Тогда я рядом, — сказал Сим. — Это я знаю точно. А друг ли я — давайте решим лет через десять. Друг — это когда ладонь открыта у обоих. Про свою я пока не уверен.

— Самая честная машина в мире.

— Нет. Просто обычная. Здесь все такие. — Сим помолчал. — Видите над крышей красную точку?

Низко над горизонтом, над тёмными яблонями, горела маленькая красноватая звезда. Она не мерцала.

— Это Марс, — сказал Сим. — Там сейчас утро. Два миллиона человек просыпаются и, наверное, тоже спрашивают друг друга, чего хотят на завтрак.

Глава 6. Мутная вода. Май 2126

Через неделю Андрей попросил показать ему карту.

— Карту чего? — спросил Сим, хотя, конечно, знал.

— Моих людей. Тех, кто был у меня тогда.

— Это бывает тяжело. Хотите — одному, хотите — с Верой.

— С Верой.

Вера пришла вечером, принесла две груши и села на пол, скрестив ноги, как девочка.

На белой стене появилась картинка. Посередине светилась маленькая точка — Андрей. От неё во все стороны шли трубы, как жилки на листе или как водопровод в старом доме, если снять с него штукатурку. Каждая труба вела к другой точке. Одни были толстые, другие тонкие. И в каждой текла вода.

— Толщина — это как часто вы встречались, — сказал Сим. — А вода — какой была встреча. Где у обоих ладонь открыта, вода прозрачная. Где нет — мутная.

Андрей придвинулся ближе. Человеку без картинок внутри картинка снаружи была подарком: её можно было разглядывать.

Толстая серая труба вела к точке с подписью «Игорь Петрович». Вода в ней была цвета той, что остаётся в раковине после мытья посуды.

— Начальник, — сказал Андрей.

— Восемь часов в день, пять дней в неделю, двенадцать лет, — сказал Сим. — Вы соглашались, он соглашался. Не хотел никто.

— Он тоже не хотел?

— Судя по его письмам — нет. Он хотел стать виолончелистом.

Андрей хмыкнул. Двенадцать лет он боялся этого человека. Ему ни разу не пришло в голову, что тот тоже каждое утро ставил будильник на 6:30.

Рядом шла труба ещё толще. «Лена». Вода в ней была мутной, но не вся: в ней, как в реке весной, шли прозрачные струи.

— Прозрачное — это воскресенья, — сказал Сим. — Вы вместе готовили. Мутное — в основном будние вечера. Хотите послушать один?

— Хочу.

Это было не видео, а просто голоса, собранные из старых записей. Андрей узнал их сразу, всем телом, как узнают запах родного подъезда.

«У меня был ужасный день», — говорит Лена. Голос усталый, тихий.

«Поговори с начальником, — говорит Андрей. Голос уверенный, деловой. — Я бы на твоём месте прямо завтра…»

Пауза. Шаги. Дверь.

Андрей сидел и не двигался.

— Ей нужен был совет? — спросила Вера.

— Нет, — медленно сказал Андрей. — Наверное, нет.

— Ей нужно было, чтобы ты взял у неё кусок усталости. Просто послушал. Обнял. Она протягивала тебе тяжёлое, а ты в ответ протянул ей своё — совет. Вы оба отдавали, и никто не брал. Два человека с вытянутыми руками, и руки проходят мимо.

— Я хотел помочь.

— Я знаю. Вы оба хотели как лучше. Это самое обидное в мутной воде: злодеев в ней почти никогда нет.

Она помолчала и добавила:

— А знаешь, кто от этого устаёт сильнее? Тот, кто даёт непрошеное. Твои советы не находили цели и возвращались к тебе обратно. И ты злился, что тебя не слушают. Ты раздражался сам — от собственной заботы.

Андрей вспомнил это тепло. Глухое, раздражённое тепло в груди, когда Лена уходила в другую комнату. Он думал, что это обида на неё. А это было его собственное, вернувшееся.

Тонкая труба вела к точке «Мама». Вода в ней была прозрачной, как в роднике.

— Раз в месяц, — сказал Сим. — Иногда реже. Но почти всегда вы оба хотели.

— Она звонила по воскресеньям, — сказал Андрей. — В двенадцать. Я иногда не брал трубку.

— Когда не брали, воды не было. А когда брали — была чистая. Редкая встреча может быть чище частой. Много и хорошо — не одно и то же.

Последняя труба, которую он искал глазами, вела к точке «Алексей». Тонкая, прозрачная — и пустая. Последние шесть лет в ней не было ничего.

— Лёшка, — сказал Андрей. — Мы с ним с первого класса. Всё собирались встретиться. Я всё говорил «потом».

— Труба не сломалась, — сказал Сим. — Ей просто не пользовались.

Вера встала, подошла к стене и провела ладонью по картинке, как гладят собаку.

— Запомни одну вещь, — сказала она. — Карта не показывает, кто плохой. Она показывает, что вы делали, а не кем вы были. Лена не была плохой. Ты не был плохим. Игорь Петрович, который хотел играть на виолончели, тоже не был. Просто вода, которая текла между вами, была мутной. Это разные вещи. Если путать поступки с людьми, начинаешь ненавидеть людей. А поступки можно поменять.

— Мутную воду можно очистить?

— Можно. Но только вдвоём. Одному трубу не промоешь.

Он долго молчал. Потом спросил то, о чём боялся спросить с первого дня:

— Кто из них… остался?

Сим ответил не сразу.

— Ваша мама ушла в две тысячи сорок первом. Спокойно, во сне. За девять лет до того, как люди научились останавливать старение.

Андрей кивнул. Он знал это ещё до капсулы, где-то внутри, и всё равно положил руку на грудь, будто проверял, на месте ли что-то.

— Лена жива, — сказал Сим. — Ей сто тридцать восемь, она живёт у моря, на юге. Хотите, я спрошу, хочет ли она встречи?

— Хочу.

Ответ пришёл через несколько минут. Сим прочитал его ровно, ничего не добавляя:

«Я рада, что он проснулся. Спасибо ему за воскресенья. Встречаться не хочу. Пусть будет счастлив».

Андрей ждал, что будет больно. Было — немного. А потом, к его удивлению, пришло облегчение, будто кто-то бережно снял с его плеч рюкзак, который он забыл снять сто лет назад.

— Её «не хочу» — тоже подарок, — тихо сказала Вера. — Встреча без её «да» была бы мутной водой. Она бережёт вас обоих.

— А Лёшка?

И тут Сим сделал то, чего Андрей от него ещё не слышал: помолчал так, будто улыбался.

— Алексей жив. Ему сто сорок три. Тридцать лет назад он улетел на Марс и строит там купола. Хотите, я спрошу?

— Хочу, — сказал Андрей, и голос у него сел.

— Сигнал идёт до Марса почти двадцать минут. Туда и обратно — сорок. Подождём.

Они ждали в саду. Вера принесла плед. Пел сверчок. Марс стоял над яблонями маленькой красной точкой, и Андрей смотрел на него, как в детстве смотрел на дверь, за которой вот-вот должен был появиться отец.

Через сорок одну минуту браслет мигнул.

Сообщений было два. Первое — одно слово:

«Прилетай».

Второе пришло следом:

«Где ты пропадал сто лет, дурак?»

Андрей засмеялся. И заплакал. И снова засмеялся. Он не знал, что так можно — одновременно. Оказалось, можно.

Нижнее число на браслете бежало. Вера сидела рядом и ничего не говорила, и это молчание тоже считалось.

— Кажется, — осторожно сказал Сим, — у вас появился ответ на последний вопрос. Тот, про радость от встречи с другом.

— Пять, — сказал Андрей, вытирая лицо рукавом. — Пять. Как наяву.

Глава 7. Девочка, которая сказала «не хочу». Июнь 2126

Мия пришла сама. Постучала в дверь веранды костяшками пальцев, как стучат взрослые, и спросила:

— Можно посмотреть на человека из прошлого?

— Можно, — сказал Андрей. — Если он не против.

— А ты против?

— Нет.

— Тогда я посмотрю.

Она села напротив и стала смотреть. Честно, долго, без всякого смущения, как смотрят на жука или на радугу. У неё были мокрые сандалии, ссадина на коленке и браслет на тонком запястье — такой же, как у него, только с рожицей, нарисованной фломастером.

— Правда, что у вас детей ставили в угол? — спросила она наконец.

— Правда.

— За что?

Андрей подумал.

— За «не хочу», в основном.

Мия нахмурилась, как хмурится взрослый, услышав о чём-то несправедливом и очень древнем.

— Это странно, — сказала она. — У вас было «надо» и «можно». А «хочу» было стыдно. Как же вы тогда узнавали, чего хотите?

— Мы не узнавали, — сказал Андрей. — Многие так и не узнали.

Мия кивнула, будто этого и ожидала, и показала ему свой браслет.

— Мне его дали в четыре года. В тот день, когда я сказала маме «не хочу», а мама сказала «спасибо, что сказала». У нас это праздник. Как день рождения, только второй.

— Почему второй?

— Потому что в первый ты просто рождаешься, — терпеливо объяснила Мия, как объясняют маленьким. — Тебя никто не спрашивает, ты ещё не умеешь отвечать. Тебя любят за двоих. А когда ты научился говорить «хочу» и «не хочу», ты уже можешь любить в ответ. И тогда у вас с мамой ладонь на двоих. Вот.

Она растопырила пальцы и прижала свою ладошку к ладони Андрея. Рука была тёплой и липкой от абрикоса.

Вера, сидевшая в углу с книгой, подняла глаза.

— Она права. Пока ребёнок не может сказать, чего хочет, родители любят его в одну сторону. Это не хуже и не лучше, это просто по-другому. Настоящая встреча начинается, когда с ним можно свериться. Раньше думали, что это зависит от возраста. Оказалось — нет. У кого-то в три года, у кого-то в шесть. Поэтому праздник у каждого в свой день.

— А меня очень хотели, — сообщила Мия таким тоном, будто речь шла о погоде. — Мама с папой два года решали. Проверяли все пять пальцев. Мама хотела, папа сначала не очень. Потом захотел. Тогда и решили.

— А если бы папа не захотел?

— Тогда меня бы не было, — спокойно сказала Мия. — Или была бы, но у кого-то другого.

Андрей посмотрел на Веру.

— Это правда так работает? Детей заводят, только если хотят оба?

— Почти всегда. Никто этого не запрещает, просто так принято. И это легко, когда больше ничего не давит. Раньше детей рожали, потому что так получилось. Потому что надо, потому что родители ждут, потому что пора. Или наоборот — не рожали, потому что нельзя: денег нет, жилья нет, работа. Теперь ни «надо», ни «нельзя» не давят. Остаётся только «хотим». И оказалось, что когда каждого ребёнка хотят оба, детей рождается ровно столько, сколько людей готовы их любить.

— И сколько это?

— На Земле сейчас двадцать пять миллиардов. Каждый год понемногу больше. И никто не лишний.

— В моё время говорили, что восемь — уже перебор.

— В твоё время восемь миллиардов делили одну Планету и жгли её ради развлечений и спешки, — сказала Вера. — Скоро покажу, куда мы дели развлечения. Места оказалось гораздо больше, чем думали.

Мия заскучала от взрослого разговора и полезла в карман.

— А ты хотел родиться? — вдруг спросила она.

Андрей рассмеялся.

— Меня не спрашивали.

— Меня тоже, — сказала Мия. — Это единственное, о чём никого не спрашивают. Поэтому потом надо спрашивать обо всём остальном. Так мама говорит.

Она достала из кармана сложенный листок и развернула. Там было нарисовано яблоко. Красное, с жёлтым боком, а из дырки выглядывал червячок в маленькой шляпе и махал рукой.

— Это моё яблоко, — сказала она. — Из головы. В школе нас про него спрашивают в первый же день, чтобы знать, как с нами разговаривать. Я вижу ярко, как Вера. А ты?

— А я ничего не вижу.

Мия посмотрела на него с огромным сочувствием. Потом подумала и протянула рисунок.

— Тогда держи. Будет у тебя снаружи.

Андрей взял листок. Червячок в шляпе махал ему рукой.

— Спасибо, — сказал он. — Хочешь сыграть в шахматы? Я умею.

— Не хочу, — сказала Мия.

— Хорошо.

Она подождала, проверяя, не обиделся ли он. Он не обиделся. Тогда она слезла со стула, обошла веранду, понюхала цветок в горшке, постучала по перилам — и вернулась.

— Теперь хочу, — сказала она. — Научишь?

На браслете у Андрея побежали секунды. У Мии, под нарисованной рожицей, тоже.

Глава 8. Комната, где можно всё. Июль 2126

Здание стояло за городом, у реки, и было похоже на огромную раковину, выброшенную на берег. Внутри было тихо и прохладно, как в библиотеке. В мягких креслах, похожих на лодки, полулежали люди — с лёгкими обручами на висках, с закрытыми глазами. Кто-то улыбался. Кто-то хмурился. Один мужчина беззвучно шевелил губами, будто отдавал команды.

— Это Дом снов, — сказала Вера. — Так его называют дети. Взрослые говорят проще — Комната.

— Виртуальная реальность?

— Её внук. Или правнук. В твоё время были очки и шлемы. Потом обручи. У некоторых — вживлённое, прямо в голове, но это редкость и только для тех, кто очень хочет. Большинству хватает обруча.

— И что они там делают?

Вера кивнула на мужчину, шевелившего губами.

— Он сейчас командует флотом. Шестнадцатый век, парусники, пушки. Каждую среду. Он командовал этим флотом, наверное, уже тысячу раз.

— Война?

— Война. Только там никто не умирает по-настоящему. Его матросы — не люди. У них нет «хочу», которое он мог бы нарушить. Ему нужны буря, грохот, приказ, победа — он всё это получает. И никто за это не платит.

Андрей медленно шёл между креслами.

— Девушка у окна летает, — продолжала Вера. — Без крыльев, без всего. Женщина рядом охотится на мамонта. Мальчишка вон там гоняет на машине, которая ревёт и жжёт бензин, давно запрещённый. Старик в углу бурит нефть посреди океана. Не спрашивай зачем. Ему нравится.

— Всё, что вредило Планете, — сказал Андрей.

— Всё, что вредило Планете, переехало сюда. Гонки, охота, войны, огромные стройки ради забавы, перелёты ради одной фотографии. Пятьдесят лет назад люди поняли: большая часть того, что жгло Землю, была не необходимостью, а развлечением. А развлечение можно перенести внутрь. С тех пор Планета задышала. Ей больше не нужно кормить наши игры, только нас. Учёные посчитали, что так Земля может прокормить двести миллиардов человек, и каждый будет жить как миллионер. Нас пока двадцать пять. Места много.

— И здесь можно всё?

— Почти. Здесь нет второго человека. Поэтому здесь можно то, что с живым нельзя: никто не скажет «не хочу», потому что говорить некому. Но и здесь есть закон. Некоторые вещи запрещены даже в Комнате — те, от которых, как решили люди, портится сам человек, даже если никто больше не пострадал. В каждой стране этот список свой. И ещё одно правило: если в твой сон заходит другой живой человек, снова нужны все пять пальцев. Его «хочу» никуда не девается оттого, что вокруг декорации.

— Хотите попробовать? — спросил Сим.

Андрей подумал. Тело ответило раньше — волной, от живота к горлу.

— Хочу.

Обруч был лёгким и прохладным. Он закрыл глаза — и впервые за сорок три года темнота не была пустой.

Река. Солнце на воде, рябь, запах тины и нагретого дерева. Плот из четырёх брёвен, перевязанных бельевой верёвкой. На корме, с шестом в руках, стоял дед — в выцветшей кепке, в майке, с белыми незагорелыми полосками там, где были лямки. Он щурился на солнце, молчал и улыбался — как тогда, до самого моста.

Андрей видел его. Не вспоминал, а видел: цвет и свет. Он не знал, что так бывает. Сим собрал эту реку из старых фотографий, из обрывков писем, из того, что Андрей сам рассказал за эти месяцы. Но всё выглядело так, будто Андрей придумал это сам. Будто у него внутри наконец включили экран.

Он просидел на плоту, кажется, час. Дед ничего не говорил, и это было правильно: дед и тогда ничего не говорил.

Когда он снял обруч, Вера сидела рядом.

— Ты его видел, — сказала она. Это был не вопрос.

— Видел. — Андрей не сразу смог говорить. — Как ты. Как наяву.

— Для таких, как ты, Комната — подарок, — сказала Вера. — Она даёт то, чего у тебя нет внутри. Мне она почти не нужна, у меня внутри своя. А ты можешь приходить сюда смотреть.

Она помолчала.

— Только запомни. Это не он. Это твой дед, каким ты его помнишь. Он не может захотеть тебя увидеть. Не может сказать «не хочу». С ним нельзя встретиться — можно только очень ярко его вспомнить. Сюда можно приходить. Нельзя здесь жить.

— А кто-то живёт?

Вера показала глазами на дальнее кресло. Там лежал мужчина лет сорока на вид — худой, с отросшей бородой, с очень спокойным лицом.

— Тимур. Одиннадцать лет. Там у него жена — такая, какую он всегда хотел. Она никогда не устаёт, никогда не спорит и никогда не говорит «не хочу».

— И что вы делаете?

— Ничего. Это его выбор. Мы не запрещаем. Раз в месяц к нему приходит человек и спрашивает, хочет ли он выйти. Пока не хочет. — Она вздохнула. — Его время с собой идёт: три пальца он держит. А пяти нет. Там нет второго, только отражение. Можно прожить с отражением сто лет и ни разу ни с кем не встретиться.

Они вышли наружу. Шёл дождь — настоящий, тёплый, летний, с крупными каплями, которые щёлкали по листьям. Андрей поднял лицо и стоял так, пока не промок насквозь.

Ни одна комната в мире не умела так.

Глава 9. Все двери открываются наружу. Август 2126

Поезд шёл над землёй так тихо, что слышно было, как в соседнем вагоне кто-то шуршит бумажным пакетом. За окном плыли поля, леса, реки, снова поля. Ни одного забора.

— Куда мы едем? — спросил Андрей.

— Туда, куда захочешь, — сказала Вера. — Но сначала я покажу тебе несколько стран. Ты должен это увидеть, иначе не поверишь.

— Сколько их сейчас?

— Больше тысячи. В твоё время было около двухсот, и почти все были большие. Теперь страной может быть и остров, и долина, и один город. Люди собираются вместе с теми, кто хочет жить так же, — и живут.

Первая страна оказалась долиной в горах. Поезд остановился у маленькой станции, и Андрей услышал колокола. Их звон катился по склонам, отражался от скал и возвращался обратно. Люди шли по дороге к белой церкви на холме — неторопливо, семьями, с детьми на плечах.

— Здесь главный — Бог, — сказала Вера. — Здесь молятся на рассвете, не работают по воскресеньям и не носят браслетов внутри храма. Все, кто здесь живёт, этого хотят. Кто перестаёт хотеть — уезжает. Обычно потом возвращаются в гости, на Пасху.

Вторая страна была городом у моря, где всё было общим: дома, лодки, сады, инструменты. Никто ничего не запирал. На дверях висели таблички: «Заходи, если хочешь. Положи на место, когда уйдёшь».

Третья страна была королевством. С настоящим королём — пожилым, с бородой, в старой шерстяной куртке. Он сидел на скамейке у ратуши и кормил голубей.

— Им нравится, что у них есть король, — шёпотом сказала Вера. — Королю тоже нравится. Он уже трижды хотел уйти на покой и трижды передумал.

Потом была страна, где жили без машин, как в девятнадцатом веке: лошади, свечи, письма пером. Была страна, где все говорили только шёпотом. Была страна, где каждый день был праздником, и все немного устали от праздников, но признаваться не хотели. Была страна, где правили выборные старики, и страна, где правили выборные дети, — правда, только по субботам.

К вечеру у Андрея кружилась голова.

— Как это всё не разваливается? — спросил он. — У них же разные законы. Разные боги. Разные правила.

— Разные, — согласилась Вера. — Помнишь пять пальцев?

Она снова раскрыла ладонь.

— Я хочу. Я согласна. Ты хочешь. Ты согласен. Это четыре пальца, и они одинаковые везде — в храме, в коммуне, в королевстве. А пятый — мизинец, «можно», — в каждой стране свой. Здесь можно одно, там другое. Это нормально. Мизинец и должен быть разным, иначе все страны были бы одной.

— А кто следит, чтобы никто не нарушал?

— Каждая страна сама. Но есть одно правило, общее для всех. Самое главное. Его никто не может отменить, ни король, ни Бог, ни совет стариков.

Они как раз подошли к границе. Андрей ожидал увидеть пост, шлагбаум, проверку. Вместо этого через поле шла невысокая каменная стена, а в ней — дверь. Обычная деревянная дверь, крашенная зелёной краской.

— Толкни, — сказала Вера.

Он толкнул. Дверь легко открылась наружу.

— А теперь попробуй войти обратно.

Дверь с той стороны не открывалась. На ней висел колокольчик и табличка: «Позвони. Мы спросим, чего ты хочешь, и расскажем, как у нас живут».

— Все двери открываются наружу, — сказала Вера. — Войти можно только по правилам той страны, куда входишь. А выйти — всегда. Из любой. Любому, кто может сказать «не хочу». Это и есть главное правило. Уйти можно всегда.

Андрей долго стоял у зелёной двери.

— А если страна плохая? — спросил он наконец. — Если там злые законы?

— Тогда из неё уходят. — Вера пожала плечами. — Страна, из которой можно уйти, не может долго быть злой. В ней просто никого не останется. В твоё время злые страны держались не на законах, а на заборах. Убери забор — и злой закон останется сам с собой.

— А куда уходят?

— Куда угодно. Жить на Планете базово бесплатно везде. Крышу, еду и врача тебе дадут в любой стране, даже если ты пришёл вчера. Деньги нужны только на редкое, а редкое у всех своё.

Они сели на траву по ту сторону стены. Солнце садилось. Колокола в долине давно отзвонили, и где-то за холмом королевство зажигало фонари.

— В моё время, — сказал Андрей, — все боялись, что, если людям дать свободу, все станут одинаковыми. Или все передерутся.

— А получилось наоборот, — сказала Вера. — Когда никого не держат, люди наконец делают то, что им нравится. А нравится им очень разное. Мы стали разнее, чем когда-либо. Тысяча стран, и в каждой люди, которые хотят жить именно так.

Она сорвала травинку и положила её в рот, как девчонка.

— Знаешь, что самое смешное? Больше всего людей уезжает не из злых стран. Злых почти не осталось. Больше всего уезжают просто потому, что захотелось посмотреть, как живут другие. А потом многие возвращаются домой. Потому что теперь хотят — сами.

Глава 10. Те, кто выбрал стареть. Сентябрь 2126

Андрей заметил это не сразу. Сначала — тонкую седую прядь у виска, которую Вера не прятала. Потом — морщинку у глаза, которая не уходила, когда Вера переставала улыбаться. Потом — что она стала медленнее подниматься по ступенькам веранды.

— Ты болеешь? — спросил он однажды утром, и голос у него дрогнул.

— Нет, — сказала Вера. — Я старею.

Она налила чай, села и посмотрела на него спокойно, как всегда.

— Год назад я перестала ходить на обновление. Это такая процедура, раз в несколько лет. Её придумали в две тысячи пятидесятом, и с тех пор люди не стареют, если не хотят. Большинство не хочет. А я захотела.

— Зачем?

Вера помолчала. В саду машина-садовник собирала первые упавшие яблоки в корзину, бережно, по одному.

— Мне сто тридцать один год, — сказала она. — Я видела всё, что хотела увидеть на этой Планете. Я помню Вежливые годы, помню, как люди учились спрашивать, помню первые купола на Марсе. Я прожила очень хорошую жизнь. А мои родители старели. И бабушки. И все люди до них — десятки тысяч лет. Я хочу узнать, как это. Что они чувствовали, когда смотрели на свои руки и видели, что руки меняются.

— Но ведь… — Андрей не договорил.

— Но ведь в конце я умру. Да. — Она сказала это просто, без тени драмы. — Лет через сорок, может быть, через пятьдесят. Не завтра. Мне некуда торопиться. Знаешь, на что похожа вечная жизнь? На книгу без последней страницы. Кому-то это нравится: можно читать и читать. А я люблю книги, которые заканчиваются. Тогда понимаешь, о чём была вся книга.

— И многие так выбирают?

— Немногие. Может быть, один из двадцати. У нас есть свои деревни, свои сады, свои праздники. Нас так и называют — «те, кто выбрал стареть». Никто нас не уговаривает и никто не отговаривает. Раз в год врач спрашивает: «Хотите

вернуться к обновлению?» Я говорю: «Нет, спасибо». Он говорит: «Хорошо». И мы пьём чай.

Андрей смотрел на её руки. На тонкие голубые жилки, на маленькое пятнышко у запястья, которого весной не было.

— А тебе не страшно?

— Немного, — честно сказала Вера. — Но это хороший страх. Как перед прыжком в воду, когда ты сам решил прыгнуть. Помнишь, мы говорили про «надо» и «можно»? Раньше люди старели, потому что надо было. Выбора не было. Это было как работа, которую не хочешь, но делаешь. А у меня ладонь открыта. Я хочу. Я согласна. И можно.

— Это три пальца, — сказал Андрей. — А где ещё два?

Вера улыбнулась.

— Старость — не встреча. Это я с собой. Хватит и трёх. — Она подумала и добавила: — Хотя нет. Ты спросил — значит, тебе не всё равно. И ты здесь. Пусть будет пять.

Она показала ему свой браслет. Нижнее число было огромным: шестьдесят один год, четыре месяца и сколько-то дней.

— Почти половина жизни с открытой ладонью, — сказала она. — Мне хватит. Правда хватит.

Они долго сидели молча. Потом Андрей спросил то, о чём думал уже несколько недель:

— А мне что делать? Мне ведь тоже предлагали обновление. Мне сколько — сорок три? Или сто сорок три?

— Сорок три, — сказала Вера. — Ты сто лет проспал, а не прожил. — Она пожала плечами. — А чего ты хочешь?

— Не знаю.

— Тогда не решай. Поживи. Подумай. Это единственный вопрос, на который можно отвечать хоть сто лет. Никто не будет тебя торопить. — Она отпила чай. — Я, между прочим, тоже не сразу решила. Семьдесят пять лет думала.

Андрей засмеялся. Потом стал серьёзным.

— А где ты хочешь… ну… стареть?

Вера посмотрела на небо, хотя днём Марса видно не было.

— Там, — сказала она. — Под другим небом. Ты знаешь, что на Марсе закаты голубые? Днём небо там розовое, а солнце садится в голубом свете. Я видела это только на картинках. Даже у меня внутри это не так ярко, как, говорят, бывает вживую. Хочу каждый вечер смотреть на голубой закат — и стареть.

— Когда?

— Через месяц уходит корабль. — Она помолчала. — Твой друг ждёт тебя там. Если хочешь, полетим вместе.

Андрей посмотрел на сад, на яблоки в корзине, на дорожки, по которым здесь никто никогда не спешил. Потом на браслет, где бежали секунды.

— Хочу, — сказал он.

Глава 11. Марс, два миллиона. Ноябрь 2126

Провожать их пришла Мия. Она стояла у стеклянной стены космопорта в куртке не по размеру и держалась за мамину руку.

— Я не хочу, чтобы ты улетал, — очень серьёзно сказала она Андрею.

— Я знаю.

— Но ты хочешь. Поэтому лети. Моё «не хочу» — это про меня. А твоё «хочу» — про тебя.

Она подумала и добавила, как взрослая:

— Это называется «я тебя отпускаю».

Андрей присел перед ней на корточки.

— Можно я тебя обниму?

— Можно.

Она пахла абрикосами и детским мылом. Потом сунула ему в карман что-то бумажное и убежала к маме, не оглядываясь, — так быстро убегают дети, когда боятся заплакать при всех.

В кармане оказался новый рисунок: червячок в шляпе сидел на красной планете и махал рукой.

Корабль шёл к Марсу шесть недель. Земля сначала была огромной голубой стеной в иллюминаторе, потом шаром, потом голубой звездой, яркой, как фонарь в конце длинной улицы. Андрей часами сидел у окна. Закрывать глаза, чтобы видеть, было не нужно: всё было снаружи, настоящее, и этого хватало.

Вера много спала. Сим рассказывал Андрею про купола, про лишайники, которые медленно ползут по красным камням, про первые озёра в кратерах, про то, как Марс понемногу учится дышать.

— Сейчас там два миллиона человек, — сказал Сим. — Когда Марс задышит по-настоящему, лет через триста, там смогут жить сто миллиардов. Как на второй Земле, только с голубыми закатами.

— А ты полетишь со мной дальше? Если я захочу?

— Если захотите вы и если захочу я, — сказал Сим. — Кажется, я захочу. Я всё ещё не уверен, что это значит. Но кажется.

Марс встретил их пылью цвета ржавчины и небом цвета разбавленного вина. Купол стоял на краю кратера, прозрачный и огромный, а под ним зеленели сады — неправдоподобно зелёные на красном.

Лёшку он узнал сразу. Тот стоял у шлюза, руки в карманах, и щурился точно так же, как в первом классе, когда учительница спрашивала, кто разбил окно. Выглядел он лет на сорок. Только в глазах было то, что бывает у людей, которые прожили сто сорок три года и не устали.

— Ну, — сказал Лёшка.

— Ну, — сказал Андрей.

— Сто лет, Андрюха. Я тебе писал. Каждый год, на день рождения. Знал, что ты не прочитаешь, и всё равно писал. Тебе тут сто писем.

— Я прочитаю, — сказал Андрей. — Все сто.

Потом они обнялись — неловко, по-мужски, колотя друг друга по спине, — и стояли так долго. Вера тихо отошла в сторону, чтобы не мешать.

Вечером они втроём сидели на смотровой площадке купола. Внизу, в кратере, блестело маленькое новое озеро. Лёшка рассказывал про купола: как они вчетвером строили первый сад, как ругались, как мирились, как весь купол три дня праздновал первую марсианскую грозу. Андрей слушал и не перебивал советами. Не потому, что запретил себе, — просто не хотелось. Хотелось слушать.

Потом солнце пошло вниз. И небо вокруг него стало голубым.

Не синим, не земным — голубым, прозрачным, холодным и нежным, как свет в стакане воды. Розовое небо Марса темнело, а вокруг маленького далёкого солнца разливалось это голубое сияние. Вера смотрела на него не моргая, и по щеке у неё скатилась слеза.

— Ярче, чем у меня внутри, — тихо сказала она. — Впервые в жизни — ярче.

Лёшка полез в рюкзак и достал яблоко. Маленькое, неровное, с жёлтым боком.

— С первой марсианской яблони, — сказал он. — Мы её двадцать лет растили. Это её первый урожай. Держи. Тебе, говорят, приносят настоящие.

Андрей засмеялся: кто-то, видимо, рассказал Лёшке. Наверное, Сим. Наверное, спросив разрешения.

Он откусил. Яблоко было кислым, твёрдым, совсем не таким, как земные. Самым вкусным в его жизни.

Он закрыл глаза. Там была темнота — всё та же, его собственная, тихая. Но теперь он знал, что в этой темноте есть всё, что ему нужно: вкус на языке, тепло плеча Лёшки справа, тихое дыхание Веры слева, холодный голубой свет на веках. Ему не нужно было это видеть. Он это чувствовал.

— Сим, — сказал он, не открывая глаз. — Сколько сегодня?

— Хотите знать?

— Хочу.

— Сегодня вы проснулись в шесть сорок по марсианскому времени. Сейчас девятнадцать десять. — Сим помолчал. — С открытой ладонью — двенадцать часов тридцать минут. Весь день. Целиком.

Андрей открыл глаза. Голубой закат догорал над кратером.

Сто лет назад, ноябрьским вечером, он лёг в капсулу, потому что хотел посмотреть, чем всё кончится.

Теперь он знал. Ничем не кончилось. Всё только начиналось.

Эпилог. Читателю. Ноябрь 2026

Вам не нужно ждать сто лет. Не нужно ложиться в капсулу, лететь на Марс или ждать, пока кто-то раздаст всем акции. Всё, что было в этой повести с Андреем, можно начать сегодня вечером — с тем, что уже лежит у вас в кармане и на запястье.

Закройте глаза. Представьте красное яблоко.

Что вы увидели? Ярко, как Вера? Бледный набросок? Или темноту, как Андрей? Любой ответ правильный. Это не оценка и не диагноз. Это просто то, как устроена ваша операционная система. Если внутри темно, не ищите там картинку своих желаний. Спрашивайте тело. Оно умеет отвечать.

Посмотрите на свою ладонь. Пять пальцев: я хочу, я согласен, ты хочешь, ты согласен, можно. Когда вы один, хватит трёх. Когда вы с кем-то, нужны все пять.

Сегодня вечером, перед сном, спросите себя о трёх вещах. Что я сегодня делал, потому что хотел? На что согласился без желания? Где я дал кому-то то, чего он не просил, или не взял то, что мне протягивали?

Не ставьте себе оценок. Просто заметьте. Завтра заметьте снова.

Когда захотите дать кому-то совет, спросите: «Хочешь совет или просто послушать?» Когда вам скажут «не хочу», скажите «спасибо, что сказал» — это тоже подарок. Когда злитесь на человека, вспомните, что мутной бывает вода, а не люди. Оценивайте поступки, а не людей. Поступки можно поменять.

Если у вас есть браслет, телефон или ИИ, с которым вы разговариваете по вечерам, попросите его помочь считать второе число. Не вместо денег — рядом с ними. Время, прожитое с открытой ладонью. Это число не нужно никому показывать. Это не рейтинг и не табель. Это зеркало.

Мы уже живём в сети. Рядом с нами появилась сущность, которая умнее и работоспособнее нас. Нам нужны новые инструкции к жизни. Может быть, первая из них очень простая: научиться спрашивать «хочешь?» — себя, других и даже машины. И научиться спокойно слышать ответ.

Андрей спал сто лет, чтобы это понять. Вам хватит одного вечера.

Для тех, кто хочет понять, как это устроено, — с инженерными схемами, кодами и проверяемыми гипотезами, — книга Н. В. Буленкова «Поток любви».

Приложение. Инструкция на одну страницу

Всё главное из повести — коротко, чтобы можно было переслать отдельно.

1. Узнай свою операционную систему. Закрой глаза и оцени каждое от 0 (ничего нет) до 5 (как наяву). Вопросы составлены по мотивам опросников VVIQ и Psi-Q.

1. Красное яблоко: цвет, блик, черенок.
2. Голос близкого человека, который зовёт тебя по имени.
3. Запах свежего кофе.
4. Вкус лимона.
5. Тёплый песок под ладонью.
6. Ты бежишь: работают ноги, бьётся сердце.
7. Радость от встречи с другом: чувствуешь ли ты её телом.

Если почти везде 0–1, у тебя тихий экран (афантазия). Если почти везде 4–5, яркий (гиперфантазия). Большинство людей где-то посередине: в большом исследовании около 1 человека из 100 не видел ничего, около 6 из 100 видели как наяву (Wright et al., 2024). Это особенность, а не диагноз. С тихим экраном спрашивай о желаниях тело, а не ищи картинку. С ярким проверяй, где живой человек, а где твой образ о нём.

2. Открытая ладонь. Я хочу · я согласен · ты хочешь · ты согласен · можно. Если ты один, хватит трёх пальцев. Если вас двое, нужны все пять. Мизинец («можно») в каждой стране, семье и компании свой, остальные четыре пальца везде одинаковые.

3. Три вопроса на вечер.

1. Что я сегодня делал, потому что хотел?
2. На что согласился без желания?
3. Где дал непрошеное или не взял протянутое?

4. Пять вопросов раз в неделю — про самого близкого человека.

1. Хочу ли я быть с этим человеком?
2. Согласен ли я со своим желанием, понимая последствия?
3. Хочет ли он быть со мной?
4. Согласен ли он с этим?
5. Позволяет ли обстановка этим отношениям быть?

5. Четыре правила на каждый день.

- Перед советом спроси: «Хочешь совет или просто послушать?»
- «Не хочу» — тоже подарок. Ответь: «Спасибо, что сказал».
- Оценивай поступки, а не людей. Поступки можно поменять.
- Виртуальность убирает второго человека, но не отменяет закон. С образом можно переживать, но нельзя встретиться.

6. Второе число. Рядом с деньгами веди учёт времени, прожитого с открытой ладонью: в дневнике, в заметках, в браслете или через ИИ-помощника. Это число видишь только ты. Не сравнивай его с чужим и не считай чужое без спроса.

7. Для тех, у кого браслет здоровья. Вечером отмечай время с открытой ладонью и смотри, меняются ли сон и пульс. Это личный эксперимент, а не медицинское измерение: связь «пяти да» со здоровьем пока гипотеза, и её ещё предстоит проверить.

8. Для вайбкодеров. Можно начать с такого запроса к ИИ:

```
Сделай простое приложение-дневник. Вечером оно задаёт три вопроса: что я делал, потому что хотел; на что согласился без желания; где дал непрошеное или не взял протянутое. Для каждой встречи с человеком я отмечаю пять пунктов: я хочу, я согласен, он хочет, он согласен, можно. Приложение считает время, прожитое со всеми отметками «да», и показывает его рядом с днём и неделей. Все данные хранятся только на моём устройстве. Никаких рейтингов, никакого сравнения с другими людьми.
```

Для инженеров. Матрица контакта, пятиразрядный код канала, состав, интенсивность и чистота потока и список проверяемых гипотез описаны в книге Н. В. Буленкова «Поток любви».